

Отец Фёдор только что спустился с колокольни, где благовестил перед вечерней службой, созывая прихожан.

После резкого снежного света в храме казалось темно, только в сумерках мерцали перед образами лампады, да ещё горела лампочка над прилавком, где торговали свечами и книгами.

Здесь стояли две женщины, не знакомые, не местные. Они поджидали священника. Одной нужно было отпеть сына.

— Он крещёный был? — раскрывая свидетельство о смерти, спросил отец Фёдор.

— Крещёный, батюшка...— ответила женщина, утирая уголком косынки заслезившиеся глаза.— Прежний батюшка и крестил, сюда привозила его...

— Сам-то ходил в храм?

— Дак он с армии пришедши недавно. Не успел, получается...

— А чем болел?

— Убили его, батюшка... Застрелили вчера Павлушу...

— Господи, помилуй...— перекрестился отец Фёдор.— Хоронить-то когда думаете?

Выяснив всё и условившись о транспорте, отец Фёдор направился было к алтарю, но тут его остановила другая женщина. Была она намного моложе первой, хотя разница

в возрасте замечалась только вблизи. Издали, повязанные чёрными платками, понурившиеся, женщины выглядели почти ровесницами:

— Не знаю, как и спросить, батюшка...— опуская голубые глаза, проговорила женщина.— Мужа моего, Петра, в тюрьму посадили... Судить будут, а кому молиться за него, не знаю...

— Кем он был?

— Фермером...

— А посадили за что?

Женщина быстро взглянула на него, и отца Фёдора обожгли голубые, горящие горем глаза.

— Человека он застрелил, батюшка...— опуская голову, едва слышно проговорила женщина.

И ещё не рассказала она, как было совершено преступление, а отец Фёдор уже понял всё. Вернее, не понял даже, а как бы увидел сам, что произошло в брошенной деревушке, где фермерствовал этот самый Пётр, когда туда, разгорячённые выпивкой, примчались на мотоциклах Павлуша и его друзья.

Видение было мгновенным, но таким ярким, что отцу Фёдору показалось, будто он рассмотрел и серое, низко нависшее над избами небо, и облетевший перелесок вдали, и разрываемую колёсами мотоциклов едва смёрзшуюся землю, чуть присыпанную снежком. Даже рёв мотоциклов услышал он, почувствовал острый запах бензиновой гари...

Он перекрестился и оглянулся, отыскивая глазами пожилую женщину.

Та стояла с толстой свечой у большой иконы апостолов Петра и Павла. Вся в чёрном... Убитая свалившимся на неё горем мать.

Острая печаль пронзила сердце.

«Бедные вы мои, бедные...» — подумал отец Фёдор и кивнул на икону.

— Вот...— сказал он.— Это икона святых апостолов Петра и Павла. Поставьте свечечку там.

И, перекрестив женщину, припавшую к его руке, ушёл в алтарь. Пора было переоблачаться и начинать службу.

Храм был почти пустым, гуляло под сводами гулкое эхо, как бы усиливая, укрупняя слова молитв, колебля пламя свечей перед иконами. Две большие свечи горели и перед

образами апостолов Петра и Павла. И отец Фёдор, совершая службу, каждый раз задерживал взгляд на них, и не свечи почему-то видел, а лица женщин, что так странно и страшно сошлись сегодня у этой иконы...

Уже стемнело, когда отец Фёдор закрывал храм. Морозец усилился к вечеру, в ночном небе ярко горели звёзды. Чистый молодой снежок поскрипывал под ногами.

Улица была пустой, только окна тёмных домов мерцали голубыми всполохами телевизионных экранов — шла очередная серия «Санта-Барбары».

Помолившись перед сном, отец Фёдор ушёл в свой кабинетик. Раскрыл было Евангелие, но тут же отложил книгу, лёг на узенький диван с высокой спинкой, закрыл глаза.

Сон пришёл сразу, но беспокойный, тяжёлый.

Снилось что-то ужасное. Мешались в жутковатом хороводе то ошалевшее от выпитой водки лицо мотоциклиста, то горящие нестерпимым горем глаза женщины, то мужчина с ружьём, что бежал из дома к сараям... Его искажённое яростью лицо тоже было страшным. Ещё страшнее было узнавать — отец Фёдор боялся узнать и не мог не узнать их! — лица мотоциклиста и мужчины с ружьём.

С трудом отец Фёдор заставил себя проснуться. Рёв мотоцикла ещё стоял в ушах. Тяжело бухая, билось сердце.

В доме было тихо, только лунный свет, пробиваясь сквозь не занавешенные верхние стёкла, заливал комнату голубоватым светом.

Раскрытое Евангелие лежало на столе, и едва отец Фёдор включил лампу, сразу увидел слова: «Он говорит им: а вы за кого почитаете Меня? Симон же Пётр, отвечая, сказал: Ты — Христос, Сын Бога Живаго. Тогда Иисус сказал ему в ответ: блажен ты, Симон, сын Ионин, потому что не плоть и кровь открыли тебе это, но Отец Мой, Сущий на небесах: и Я говорю тебе: ты — Пётр, и на сем камне Я создам Церковь Мою, и врата ада не одолеют её...»

Отец Фёдор прервал чтение.

Неясный, но всё отчётливее и громче с каждым мгновением, нарастал рёв мотоциклетных моторов. Вот светом фар полыхнули окна и снова потемнели. Медленно затихая, мотоциклетный рёв удалялся.

Гнетущее беспокойство поднялось в отце Фёдоре. Торопливо оделся и, накинув на плечи пальто, вышел из дома. Сразу побежал к церкви.

Она стояла, освещённая лунным светом, но на паперти густо лежала тень. Трясушимися руками отец Фёдор долго не мог повернуть ключ в захламодевшем замке, наконец открыл дверь и шагнул в темноту...

Огонёк опрокинувшейся с подсвечника перед иконой апостолов Петра и Павла свечи он увидел сразу.

Господи! Как это случилось?! Он же сам осматривал церковь, закрывая её. Но огонёк бился в уже вытаявшем воске на полу, обугливая половицы... Позабыв об осторожности, валенком затоптал отец Фёдор пожар, потом осенил себя крестом, глядя на икону. И снова вспомнил, что именно эти лики — узнавая и боясь узнать их — и видел в своём сне, и снова перекрестился.

Стихло бухающее сердцебиение. Отец Фёдор возжёт лампадку перед иконой Богородицы и опустился на колени.

— Взыщи, Господи, погибшую душу раба Божия Павла, и аще возможно есть помилуй! Неисследимы судьбы Твои. Не постави во грех сей молитвы моей. Да будет святая воля Твоя! — звучали в пустой церкви перед милосердным Ликом слова тропаря, и отступали, пропадали ужасные видения... — Умягчи злыя сердца наша, Богородице, и напасти ненавидящих нас угаси, и всякую тесноту души нашей разреши...

Когда отец Фёдор поднялся с коленей, тихо и ясно было на душе. Потушив все огни и внимательно оглянув залитую лунным светом церковь, запер двери. Уже на улице остановился...

Только следы его валенок темнели на снегу, и никаких отпечатков мотоциклетных протекторов не было тут.

Отец Фёдор перекрестился и пошёл домой.

Всё село спало.

Уже высоко взошла луна. Синеватый, поблёскивал в её свете молодой снег, скрывший собою серость и грязь. Тихая, ясная ночь сияла над Божиим миром, и казалось, никакое зло невозможно в нём...